Детство – зажатая в руке персиковая косточка, и я спускаюсь с ней во двор. Мне пять, почти шесть, и весь мир сужен до маленького тенистого пятачка возле шелковицы и соседа Алика, к которому я иду.

В другой руке у меня папка с альбомом и карандашами. Я уже месяц хожу в художественную школу. Сейчас лето, но все равно есть занятия, они называются подготовительными. Школа на той же улице, что и наш дом, поэтому я хожу туда вот уже вторую неделю сама.

Каждый раз по пути я встречаю бездомного дедушку с большой корзиной, полной цветов. Он раздает их всем женщинам, каких только встретит, даже таким маленьким девочкам, как я. У него морщинистое лицо и густые грозные брови, но глаза добрые-добрые. Это такой дедушка, который несет вместе с собой целое небо, наполненное запахом роз и гвоздик.

До начала занятия рисунком еще есть время, чтобы найти Алика и показать ему косточку – самую большую, что когда-либо видела. Это дело никак нельзя отложить, ведь мы вместе их собираем, разглядываем часами и не можем представить, как из шероховатых твердых косточек появляются большие и теплые деревья, что дарят бархатистые сочные плоды.

Семья Алика приехала в прошлом году. Я помню, как впервые его увидела: мы с бабушкой вышли в магазин, а он играл с мячом возле нашего подъезда. Бабушка остановилась и подробно выспросила, кто он и откуда. Узнав, что они переехали сюда всей семьей, она сказала: «Добро пожаловать!» И мне потом объяснила, что так всегда надо говорить, когда кто-то пожаловал.

Алик мне сразу понравился. То ли он сам, то ли его красный мяч, сложно разобраться в чувствах, когда тебе так мало лет. Следующее, что помню: мы разглядываем косточки в тени шелковицы и отбираем одинаковые по размеру – старший брат Алика делает из них сережки и продает на базаре.

Алик рассказывал мне об армянских цыганах и о том, как они жили, пока не перебрались в Ереван. В плохую погоду мы сидели под навесной крышей старой голубятни и рисовали: я – цветы, а он – черные камни-обсидианы, которых так много разбросано по окрестным горам.

В тот день я спустилась во двор с самой большой косточкой, но нигде не могла найти Алика. Я уже собралась идти на занятие рисунком, как за мной вышла бабушка и быстро увела обратно домой. Помню, воздух вокруг нее был напряжен, словно и она несла вместе с собой небо, только черное и тревожное, как перед грозой.

Несколько дней меня не пускали гулять. На мои вопросы взрослые только хмурились, вздыхали или начинали злиться. И только Алик потом рассказал, что случилась большая беда: соседа, который возвращался домой ночью, избили и обокрали. К утру, когда его нашли дворники, он уже умер. Умер – это насовсем перестал дышать.

Когда я узнала, о ком именно он говорит, то расплакалась и долго не могла успокоиться. Это был сосед, что жил этажом ниже, всегда угощал меня свежим хлебом матнакаш и учил, что хлеб вкуснее всего есть с мороженым.

Алик объяснил, что все взрослые очень напуганы, а когда они напуганы, то злятся и начинают бояться всего чужого. Но как им пришло в голову начать бояться Алика и его семью, я до сих пор не знаю. Только помню момент, когда отец запретил с ним общаться и даже здороваться – рассерженный голос над головой, словно раскат грома.

Очень скоро семья Алика уехала и больше я о них ничего не слышала. Я играла с другими девочками в дочки-матери, прыгала на скакалке или уходила под тень шелковицы и рисовала черные камни-обсидианы.

Каждый вечер, прежде чем лечь спать, я выглядывала в окно моей комнаты, что выходило на соседний двор. В его центре стоял старый дом с разрушенной мансардой, где никто не жил, но по вечерам горел свет.

– Что за свет там горит? – спрашивала я бабушку, словно разыгрывала любимую сказку.

– Это свет от лампы.

– Но в доме никто не живет! – удивлялась я.

– Там живет дедушка, что раздает цветы.

– А тебе он дарит цветы? Мне – каждый раз!

– Конечно! Он всем дарит, – отвечала бабушка с загадочной полуулыбкой.

– Ты давно его знаешь? – спрашивала я, уже зная ответ.

– Мы вместе росли.

– Как мы с Аликом?! – восклицала я тогда.

– Как вы с Аликом… Спи…

Этот разговор повторялся изо дня в день до тех пор, пока был мне нужен. А потом мы переехали в новостройку на другом конце города, где у меня появился совсем другой вид из окна и новые друзья.

Я давно выросла, давно поумнела и в чем-то поглупела сверх меры, но и теперь, вспоминая детство, вижу огонек, горящий в мансарде среди густеющих сумерек, а еще раскидистую тень шелковицы и целую гору персиковых косточек. Одну из них, самую большую, я сжимаю в руке до сих пор. Чувствую ладонью щербинки, зазубрины – все, с чем приходит в этот мир душа.

В моей жизни остались художественная школа, где я преподаю уже двадцать лет, и привычка есть хлеб с мороженым. Иногда после заня-

тий я захожу в старый двор, сижу на скамейке, закрыв глаза, и слышу острый запах гвоздик и нежное благоухание роз, обволакивающий все вокруг. Мысленно я обнимаю то огромное дерево, чьими шероховатыми косточками мы с Аликом когда-то были, и словно возвращаю свою душу в бескрайний космос.

В этом космосе есть все, с кем я рассталась за долгую жизнь, и я ощущаю их любовь. Ее так много, что она наполняет меня, переливается через край. И теперь уже я, как когда-то другие взрослые, несу вместе с собой целый мир. В нем всё раскрашено яркими мазками и наполнено ароматом фруктов, которые я раздаю в конце каждого урока своим ученикам: гранаты и персики, абрикосы, сливы, яблоки – в зависимости от времени года. Дети уходят домой, наполненные тем, что когда-нибудь назовут счастливым детством.

Дай бог, чтобы назвали!